

СЕРГЕЙ ИСАКОВ

ГОЛОС С ТОГО СВЕТА, или ИЗ ДЫРОЧКИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ РУССКОГО ДЕРПТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА 1810–1840-х ГОДОВ

Отя Эстония с 1721 года (фактически с 1710) входила в состав Российской империи, на её территории длительное время проживало очень мало русских и ни о каких центрах русской культуры здесь не могло идти и речи. Положение меняется лишь в первой трети XIX века, когда в Эстонии возникает два русских культурных очага – в Дерпте (Тарту) и в Ревеле (Таллинне). Дерптский, имеющий не только местное значение, но сыгравший заметную роль в истории всей нашей культуры, формируется в 1810–1820-е годы вокруг здешнего университета, возобновившего свою деятельность в 1802 году. У его истоков стояли профессора русского языка и словесности Дерптского университета Г.А. Глинка, А.С. Кайсаров и А.Ф. Воейков. Дерпт оставил заметный след в жизни и творчестве и таких выдающихся представителей русской культуры, литературы и науки, как В.А. Жуковский, Н.М. Языков, В.И. Даль, Н.И. Пирогов, и многих других.

Если история русского культурного очага в Дерпте изучена ещё очень слабо¹, то о поэтической школе русского студенчества можно сказать, что она вообще никогда не была предметом научного исследования. Об этом уникальном и по-своему интересном явлении в истории русской поэзии даже не упоминается ни в общих, ни в специальных курсах истории русской литературы². Между тем именно усилиями этой школы была создана русская студенческая поэзия с её наиболее популярным жанром – студенческой песней, дожившей – впрочем, уже не в акте творения, а в стадии бытования – до революции 1917 года, в Русском зарубежье и до более позднего времени. По крайней мере, мои родители распевали старинные русские студенческие песни ещё в 1930-е годы; некоторые из них с детских лет запомнил и я...

Правда, сразу же следует заметить, что в русской литературе эта область поэтического творчества и этот жанр всегда находились где-то на периферии, да русская студенческая песня и появилась весьма поздно. На то были объективные причины: русское студенчество как особая этнокультурная группа реально сформировалась лишь в XIX столетии.

В Западной Европе и в западноевропейских литературах дело обстояло иначе. Особенно заметное место студенческая поэзия в целом и жанр студенческой песни, в частности, занимают в истории немецкой литературы. В Германии студенческие песни известны уже с XIII века, с XVIII столетия в печати появляются сборники студенческих песен. Весьма рано определилась их тематика и тональность: в студенческих песнях господствует воспевание радостей жизни, вина, застолья, веселой праздности, любви, эротики, родного университетского города и своей *alma mater*.

Эти песни были рассчитаны на групповое хоровое исполнение в студенческих объединениях – корпорациях. Во второй половине XVIII века на смену прежней, весьма грубой по содержанию и вульгарной по тону, чаще всего прославлявшей пьянство и далеко не безобидные студенческие «проказы» песне приходит её новый, значительно измененный вариант, более «художественный» и обращенный к более высоким жизненным ценностям.

В создании новой студенческой песни принимали участие крупные немецкие поэты второй половины XVIII – начала XIX века: Г.Э. Лессинг, Г.А. Бюргер, Л. Глейм, молодой И.В. Гёте, Э.М. Арндт, Т. Кёрнер, Ю. Кёрнер и др. Особенный расцвет студенческой песни наблюдается в начале XIX столетия, в эпоху антинаполеоновских войн, когда в этот жанр вторгаются патриотические ноты и студенче-

ская песня становится выражением вольнолюбивых идей и мотивов общественного протеста. Однако и прежние традиционные темы в ней не исчезают, они лишь трансформируются, приобретают более облагоустроенный характер. В эпоху романтизма усиливается влияние фольклора на студенческую песню. Впрочем, эта песня почти всегда занимала некое промежуточное положение между фольклором и собственно литературой (*изящной словесностью*, как любили выражаться в те времена), не случайно имена создателей песен очень быстро забывались и сами их тексты претерпевали постоянные и порою значительные изменения³.

Восстановленный в 1802 году Дерптский университет, как известно, был немецким по языку преподавания, по составу профессоров и студенчества. Между Дерптом и Германией существовали самые тесные связи во всех областях, в том числе и в культурной. Вполне закономерно, что в среде дерптского студенчества сразу же после возобновления деятельности университета немецкая студенческая песня получает самое широкое распространение и воспринимается как своя, родная. Этому способствовало и то, что среди дерптской учащейся молодежи вскоре же возникают студенческие объединения, скроенные по германским образцам.

В 1810-е годы формируются и первые кружки местных немецких студенческих поэтов и вообще любителей поэзии⁴. В музыкальный репертуар дерптских студентов, помимо песен, пришедших из Германии, постепенно входят и созданные местными стихотворцами, прежде всего в жанре «песен застолья» (*Trinklieder*). Этот процесс особенно активизировался в 1820-е годы, когда на литературную арену вступают талантливые поэты из числа студентов, успешно работающие в жанре песни⁵. Первым из них был Йоханн Хинце (1804–1857), студент-медик Дерптского университета в 1826–1829 годы. Наиболее же крупным представителем поэзии дерптского студенчества считается Георг Гриндель (1810–1845), тоже учившийся на медицинском факультете в 1829–1838 гг.⁶ Возникает школа немецких дерптских студенческих поэтов, в целом ориентированных на студенческую поэзию Германии с её специфическими темами, мотивами, поэтическими образами и лексикой.

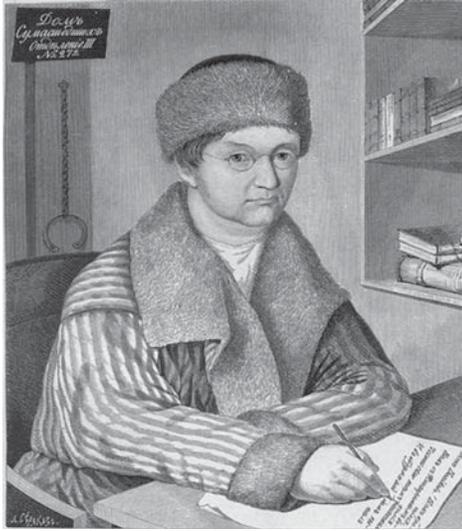
Не случайно и русская студенческая поэзия была создана именно в Дерпте, причем под заметным немецким литературным влиянием, хотя почти с самого начала в ней очевидно стремление к «русскости», к отражению русского национального духа, очень популярного термина в эпоху романтизма. Подлинным создателем русской студенческой

поэзии, как мы увидим далее, был Н.М. Языков, но сама школа дерптских русских студенческих поэтов стала формироваться ещё до него.

Возникновение этой школы относится к концу 1810-х – самому началу 1820-х годов. В эти годы в Дерпте впервые появляется группа русских студентов и в то же время создается дружеский кружок русской и немецкой интеллигенции, так или иначе связанный с университетом. Определенную роль в создании этого кружка сыграл профессор русского языка и словесности Дерптского университета в 1815–1820 годов Александр Федорович Воейков, небезызвестный поэт. Вместе с ним в Дерпт приехала и его жена Александра Андреевна Воейкова (урожденная Протасова) с матерью и сестрой – Машенькой Протасовой, возлюбленной В.А. Жуковского. Одна из самых замечательных русских женщин первой трети XIX века А.А. Воейкова, известная в литературе под именем *Светланы*, была тонкой ценительницей искусства.

Впоследствии в Петербурге она стала хозяйкой знаменитого салона, который посещали многие видные русские писатели. Дом Воейковых – Протасовых и позже дом Мойеров (Машенька вскоре вышла замуж за профессора хирургии Дерптского университета И.Ф. Мойера) в Дерпте стали излюбленным местом встреч ещё немногочисленной местной русской интеллигенции и студенчества. В Дерпте по многу месяцев жила В.А. Жуковский.

Нельзя не отметить и другое. 1815–1820 годы – период наибольшей славы А.Ф. Воейкова как поэта-сатирика. Именно в дерптский период своей жизни он работал над своими, пожалуй, лучшими произведениями – над сатирами «Дом сумасшедших» и «Парнасский Адрес-календарь», которыми он, собственно, и вошел в историю русской литературы. Напечатаны они были из-за цензуры много позже, а в те годы распространялись в списках, что отнюдь не мешало их популярности. Не подлежит сомнению, что именно дерптские любители литературы были в числе заинтересованных читателей этих произведений. Кроме того, в Дерпте А.Ф. Воейков написал ряд стихотворений, посвященных местной жизни, как, например, юмористическая сценка под очень длинным названием – «Торжественный визг жителей пресловутого города Юрьева по случаю отъезда из Юрьева в богоспасаемый Псков королевичны, матерой жены Анны Петровишны на каменном мосту в лицах представленное 1820-го года 10 января, по-славянски просинца». «Королевишна, матерая жена», отъезжающая из Дерпта, это никто иная, как родственница А.А. Воейковой Анна Петровна Зонтаг, в будущем известная русская дет-

А.Ф. Воейков

А.А. Воейкова

ская писательница. Действующими же лицами этой сценки являются члены местной русской колонии, в том числе и большая группа студентов, пришедших проводить А.П. Зонтаг⁷.

Первый неофициальный русский студенческий кружок в Дерпте сложился, видимо, в конце 1810-х годов, причем не без участия А.Ф. Воейкова, в доме которого любила собираться молодежь. В этот кружок входили «староста российских студентов в Дерпте» «физико-химик» Станислав Шемиот, будущий крупный русский дипломат Николай Киселев, студенты Александр Хрипков (в будущем художник), Александр Петерсон, Иван Вилламов, князь Владимир Голицын, Николай Лавров, Александр Лаппа и некоторые другие.

Кружок не был чужд литературных интересов. В нем было несколько *сочинителей*, как тогда любили говорить. К сожалению, творчество дерптских поэтов плохо сохранилось. Забегая вперед, заметим, что их стихи редко попадали в печать, а то, что и попадало, не очень интересно. Самая же интересная часть их творчества – стихи, посвященные жизни дерптского студенчества, – в силу их специфического характера в печать попасть не могла. Эти произведения более всего дошли до нас в рукописных списках, ныне хранящихся в петербургских и московских архивохранилищах. Главным источником нашего знакомства со стихотворными произведениями дерптских студентов 1810–1820-х годов являются альбомы «цариц» здешнего света – А.А. Воейковой и позже М.Н. Дириной. Но «бурсацкая» поэзия с её культом вина, плотских наслаждений и разухабистого веселья далеко не всегда была пригодна для дамских альбомов. По-

этому многие стихи дерптских поэтов до нас просто не дошли, это относится даже к творческому наследию Н.М. Языкова.

Насколько можно судить по сохранившимся в архивах и рукописных собраниях России материалам, поэзия дерптских студентов конца 1810-х – начала 1820-х годов носила по преимуществу пародийно-сатирический характер. В этом сказывалась, вероятно, не только вполне естественная склонность жизнерадостной и вольнолюбивой молодежи к осмеянию окружающих порядков и лиц, но в какой-то мере и влияние А.Ф. Воейкова, известного в ту пору главным образом своими сатирическими произведениями.

Между прочим, А.Ф. Воейков в 1820–1821 годах, когда он жил уже в Петербурге, пытался привлечь дерптских студентов к участию в своих изданиях. В ответ на его предложение студенты сочинили коллективное «Послание обратное, сиречь ответ Российских студентов Императорского Дерптского университета ординарному профессору Российского языка и словесности Александру Феодоровичу Воейкову», в котором они обещали сотрудничать в его журнале «Сын отечества». К посланию было приложено тоже, по-видимому, коллективное шуточное стихотворение «Суд студентов» – пародия на стихотворение В.А. Жуковского «Пред судилище Миноса...»⁸. В этой студенческой шутке перед тогдашним ректором университета, знаменитым историком Густавом Эверсом, предстают русские студенты. В форме комических автопризнаний здесь высмеиваются члены студенческого кружка – С. Шемиот, Н. Киселев, А. Лаппа, Н. Лавров, А. Петерсон, А. Хрипков, И. Вилламов и др.

Бытовая сцена из жизни дерптских студентов начала XIX века. Цветная литография из издания «Album von Dorpat und Umgebungen»

Вместе с тем в первых дошедших до нас произведениях молодых дерптских поэтов заметны следы влияния немецкой студенческой поэзии с её специфическими темами и мотивами, причем это, скорее, влияние более ранних немецких студенческих песен с характерной для них грубоватостью и сознательно культивируемой вульгарностью.

Первыми стихотворцами дерптского русского студенчества были И.Г. Вилламов и А.П. Петерсон. Известно, что стихи писал также Александр Лаппа, но образцы его творчества до нас не дошли.

Пожалуй, самым талантливым из них был Иван Григорьевич Вилламов (1802–1822), утонувший в двадцатилетнем возрасте в Эмайыги. Он был внуком в свое время известного немецкого поэта и эллиниста И.Г. Вилламова, ещё в XVIII веке переселившегося в Россию. Между прочим, внук переводил на русский язык стихотворения деда. Семейство Вилламовых к началу XIX века, судя по всему, уже обрусело. Во всяком случае Иван Вилламов считал себя русским, писал стихи на русском языке и примкнул в Дерпте к русскому студенчеству. Вначале И. Вилламов обучался в Петербурге в благородном пансионе, где его учителем был В.К. Кюхельбекер. Между учеником и учителем установились самые тесные дружественные отношения. Впоследствии Вилламов из Дерпта переписывался с ним⁹. Дерптские письма к своему учителю и являются основным источником наших сведений о талантливом юноше.

В Дерпте, куда Вилламов приехал в 1819 году, он стал постоянным посетителем домов Воейковых и Е.А. Протасовой – М.А. Мойер, где познакомился с В.А. Жуковским. Здесь Вилламов в обществе других студентов читал вместе с А.Ф. Воейковым но-

вые, порою ещё неопубликованные стихи русских поэтов, спорил о «Руслане и Людмиле» А.С. Пушкина и был искренне восхищен этим творением ещё молодого автора¹⁰. К местному немецкому аристократическому обществу Вилламов относился отрицательно. В этом обществе он находил «слишком много принужденности и формул». «Здесьняя Лифляндская дворянщина такая гордая, что на не дворян и смотреть не хочет», – с осуждением писал И. Вилламов В.К. Кюхельбекеру 15 января 1820 года¹¹.

Все попавшие в свое время в печать произведения И. Вилламова – это переводы с немецкого, французского и древнегреческого, не лишённые литературных достоинств¹². Они были опубликованы, главным образом, на страницах издававшегося А.Ф. Воейковым журнала «Сын отечества» в 1820–1821 годах. Об оригинальном же творчестве Вилламова мы можем судить по двум его стихотворениям, сохранившимся в архиве Н.Д. Киселева¹³. Одно из них – шуточный экспромт «На день рождения Н.Д. Киселева» (1822), другое – «Дом сумасшедших в Дерпте». В этом довольно любопытном произведении используется форма воейковской сатирической поэмы. В стихотворении в тоне дружеской шутки осмеиваются самые популярные тогда в Дерпте профессора Г.Ф. Паррот и Г. Эверс, которых автор, будто бы, встречает в городском доме сумасшедших, в его особом – «профессорском» – отделении. Произведение Вилламова интересно в числе прочего и тем, что оно до известной степени подводит нас к шуточным стихам Языкова. Не случайно такой опытный и столь много сделавший для выявления языковских текстов исследователь, как М.К. Аза-

довский, отнес это стихотворение к числу творений Языкова и напечатал его, правда в разделе «Dubia» («Приписываемое»), в первом «Полном собрании стихотворений» поэта¹⁴. Исследователь основывался на данных архива В.И. Шенрока, где сохранилась копия «Дома сумасшедших в Дерпте». Как мы уже однажды указывали, это ошибка М.К. Азадовского¹⁵. В архиве Н.Д. Киселева находится черновой автограф с обозначением автора – И. Вилламова. Сами реалии произведения (например, дом Зегельбаха, в котором жил Вилламов) говорят о принадлежности его не Языкову, а Вилламову.

В отличие от И.Г. Вилламова, второй видный представитель раннего этапа дерптской поэтической школы Александр Петрович Петерсон (1800–1890), родом из Тульской губернии, кстати дальний родственник В.А. Жуковского, прожил долгую жизнь. Это был тип так называемого вечного студента. Он прибыл в Дерпт в 1818 году, числился студентом университета в 1819–1822 и затем вновь в 1827–1835 годах, изучал военные науки (в ту пору в университете была и такая специальность). Во второй половине 1820-х годов А. Петерсон некоторое время жил на одной квартире с Н. Языковым; по воспоминаниям современников, они вместе всю ночь напролет читали Карамзина, «рассуждали о великом значении славян, о будочности <так!> России, о тупости немцев и бойкости русских и пр.»¹⁶. Н. Языков называл А. Петерсона своим «дерптским однодумцем, товарищем и другом»¹⁷. Позже А. Петерсон был домашним учителем в Лифляндии и в Москве, причем в аристократических семействах князей Ливенов и позже С.М. Воронцова¹⁸.

Дерптские творения А.П. Петерсона, насколько нам известно, напечатаны не были. Они сохранились в рукописных списках в московских архивах.

В 1819 году А. Петерсон написал большое стихотворение «Певец в карцере». По форме это пародия на знаменитое произведение В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». В нем последовательно и весело осмеивается своеобразный быт дерптского студенчества и университетское начальство в стиле, очень напоминающем немецкую студенческую поэзию. Но уже и за этой шуткой скрывается более серьезное содержание, чем это может показаться на первый взгляд. В 1819 году из Дерпта был выслан за связь с немецким освободительным движением профессор уголовного права В. Снелль. Студенты, несмотря на запрет ректора, решили устроить своеобразную демонстрацию в честь опального профессора. За это они, в их числе и автор стихотворения, были наказаны и попали в карцер.

В другом стихотворении А.П. Петерсона «Голос с того света, или Из дырочки двуглавого орла» сатирически сближается карцер и двуглавый орел. Дело в том, что университетский карцер находился как раз за изображением герба Российской империи – двуглавого орла на фронтоне главного здания университета. Это уже своеобразное проявление политического вольномыслия тогдашних русских дерптских студентов, оно будет свойственно и молодому Языкову.

Третье стихотворение – «Старые и новые студенты» – представляет собой, как и «Певец в карцере», описание образа жизни, преимущественно шалостей и буйств – если не сказать, бесчинств – студентов-буршей и духе ранней немецкой студенческой поэзии. Оно хорошо рисует вольные нравы тогдашних дерптских студиязусов, нередко терроризировавших город и горожан. Стихотворение полно дерптских реалий, упоминаний событий действительно имевших место в жизни университетского города. При всем том в стихотворении опять же есть и нечто от оппозиционного свободомыслия: для студентов характерно

*Никаких не знать властей,
Уз религии тиранских...*¹⁹

В этих стихотворениях А.П. Петерсона как бы уже намечены многие темы и мотивы поэзии дерптских русских студенческих авторов 1820–1840-х годов, в том числе и Н.М. Языкова.

Все же, как мы уже отметили выше, подлинным создателем поэтической школы дерптского русского студенчества и русской студенческой поэзии вообще был Николай Михайлович Языков (1803–1846)²⁰, без сомнения, самый талантливый их представитель. Конечно, его творчество формировалось не на голом месте: приехав в Дерпт, он столкнулся здесь с уже в какой-то мере подготовленной литературной «почвой». Но, без сомнения, творчество Языкова представляет собой качественно новый этап в развитии школы дерптских студенческих поэтов. Здесь сказались многие факторы – прежде всего талант Языкова, конечно, несравнимый с дарованием первых поэтов дерптского студенчества, но также и изменения в общественной и культурной жизни России, связанные в числе прочего с движением декабристов.

Вряд ли есть смысл здесь подробно характеризовать поэзию Н.М. Языкова дерптского периода его жизни (1822–1829), когда была создана, в сущности, лучшая часть его творческого наследия, то, чем он, в первую очередь, вошел в историю русской литературы. Творчеству поэта посвящена обшир-

нейшая исследовательская литература. Отметим лишь самое существенное, что важно для нас в плане изучения поэтической школы дерптского русского студенчества.

Значительное место в творчестве Языкова этого периода занимают студенческие песни. Сам поэт относился к ним со снисходительной небрежностью, считал некими поэтическими «шалостями», даже немного стыдился их, как это видно по письмам к братьям. Правда, в то же время он отмечал, что «это дань моя духу моего времени и настоящим обстоятельствам бытия моего»²¹. Современный исследователь, однако, справедливо замечает, что хотя поэт куда более дорожил «опытами того же времени в историческом роде, всяческими песнями баянов и бардов, набросками эпических поэм, – но именно в презируемом жанре начал звучать его, языковский, голос, шалилась и резвилась его, языковская, естественность, вскоре очаровавшая многих»²².

В студенческих песнях, как, впрочем, и во многих других стихотворениях дерптского периода, Языков выступает перед читателем прежде всего как певец радости, веселья, дружеской пирушки, вина. Разгул, даже буйство, пьянство, любовь, порою с изрядной долей эротики, юношеская отвага – вот обычные мотивы поэзии Языкова тех лет. Но это воспевание вина и веселья органически сочетается с вольнолюбием и сатирой на современные порядки. Студенческая пирушка выступает у Языкова как символ вольной свободной жизни, как протест против существующего строя и религиозной морали, протест против господствующего в обществе ханжества, против казарменной дисциплины. У студентов властвует вольность, здесь кипят ум и свободны чувства, здесь к месту веселая шутка, здесь дружба и товарищество противопоставляются официальным холодным отношениям между людьми.

Студенческий Дерпт представляется поэту особой вольной республикой, во всем противоположной императорской России (стихотворение «Дерпт»). Одну из студенческих песен Языков превращает в пародию на царский гимн. Нет ничего удивительного, что эти песни при жизни поэта не могли появиться в печати – они не прошли бы через цензуру. Стихи Языкова расхвалились в списках, что, впрочем, не помешало их широкому распространению и большой популярности.

От студенческих песен мало чем отличаются другие излюбленные поэтом жанры – элегии и стихотворные послания, обычно адресованные друзьям студенческих лет. В них, в сущности, мы находим те же темы и мотивы, что и в песнях, использован тот же поэтический стиль и та же образная система.

Н.М. Языков в молодости.
Портрет маслом неизвестного художника.
Исторический музей. Москва

Элегии Языкова совершенно не напоминают традиционную элегию, в них отражается своеобразный мир дум и чувств студента-бурша. В посланиях Языкова доминируют те же мотивы дружбы, братства, свободы – свободы личности и свободы искусства. Некоторые описательные стихотворения прямо посвящены жизни немецко-русского корпорантского студенчества. Здесь, в частности, можно назвать «21 апреля», повествующее о ежегодном празднике студентов, приуроченном к годовщине основания университета.

Во всем этом в числе прочего сказывается свободолобивая атмосфера декабристской поры, которая нашла отражение и в поэзии молодого А.С. Пушкина. Правда, нельзя не отметить изменений в творчестве Языкова после 1825 года. Поэт очень болезненно пережил поражение декабристов. Эпоха реакции, наступившая в России при Николае I, сказалась на творчестве Языкова. Постепенно изменяются и его студенческие песни. Из них исчезает острый политический намек, насмешки над царем и самодержавными порядками. Свободолюбивые идеи ещё сохраняются, но они приобретают уже более общий и спокойный характер; для Языкова теперь вольность – это прежде всего право веселого студента проводить время так, как ему хочется.

Но и среди произведений Языкова, написанных после 1825 года, есть прекрасные стихотворения, которые никого не могут оставить равнодушным.

Особую популярность получили стихи «Из страны, страны далекой...» и «Пловец» («Нелюдимо наше море...»). Переложенные на музыку, они стали общеизвестными песнями, которые в течение ста лет распевались русскими студентами, да они не совсем забыты и сейчас. Песня «Из страны, страны далекой...» (музыка А.А. Алябьева) в слегка измененном виде стала своеобразным гимном русского демократического студенчества²³. Песню «Пловец», как это ни странно, любили и Ленин, и белые эмигранты...

Все эти произведения в совокупности заложили фундамент того историко-литературного и историко-культурного феномена, который мы называем поэтической школой дерптского русского студенчества.

Уже современникам бросались в глаза некоторые особенности языковой музыки той поры: тесная связь её со специфической дерптской обстановкой, с корпорантским бытом, с обычаями, нравами здешнего немецкого студенчества. Собственно, иначе и быть не могло. Небольшая группа русских студентов, в которую входил и Языков, жила в немецком окружении, в атмосфере немецкой культуры и, естественно, многое усваивала из этого мира, вплоть до типично германских форм организации студенческой жизни (в 1829 году была создана русская корпорация «Рутения»).

В творчестве Языкова дерптской поры явно чувствуется влияние немецкой студенческой поэзии. Вопрос об этом влиянии хотя и ставился в исследовательской литературе, но никогда не был предметом специального рассмотрения. Между тем сам факт этого влияния вряд ли подлежит сомнению. Чтобы в этом убедиться, достаточно просто сопоставить студенческие песни Языкова с известным нам песенным репертуаром дерптских немецких студентов²⁴: своеобразная их «переключка», общность мотивов, излюбленных образов, даже стиля и поэтической лексики видны невооруженным глазом. И в этом опять же нет ничего удивительного.

Сразу же по приезде в Дерпт Языков проявляет самый живой интерес к немецкой литературе, много и охотно читает немецких писателей в оригинале, в том числе и творцов студенческих песен (Т. Кёрнер²⁵). В его библиотеке были широко представлены книги немецких авторов²⁶. Из воспоминаний современников мы знаем, что Языков любил немецкую литературу²⁷. Этим, кстати, Языков отличался от большинства русских читателей да и писателей той поры, прежде всего интересовавшихся французской литературой (как раз её наш поэт почти не читал). Из воспоминаний же известно, что поэт занимался переводами на русский язык немецких студенческих

песен. Русский музыковед и мемуарист Ю. Арнольд вспоминал: «Вообще Языков был превосходный товарищ, бравый бурш всей душой, мастер фехтовать и далеко не враг веселых пирушек. Очень многие из распеваемых во время коммерсов “Рутении” в русском переводе студентских песен были плодом языковской музыки. Помню, что между прочим он перевел также две из любимейших застольных песен того времени: “Крамбамбули питье зовется” и “С высот Олимпа боги дали радость”»²⁸. К сожалению, языковские переводы большей частью не сохранились; возможно, в некоторых случаях имя переводчика со временем просто забылось, как это часто бывало со студенческими песнями.

Как бы то ни было, но уже автор одного из первых обзоров истории русской литературы на немецком языке Х. Кёниг в своем труде в 1837 году писал, что «боярский сын» Языков в своих стихах превратился в немецкого студента и автора студенческих песен²⁹. Немецкий литературовед Александр Розенберг вообще считал Языкова бардом дерптской корпорантской жизни, герольдом-глашатаем её идеалов и своеобразия, поэтому для немецкого читателя от его стихов «веет родственным духом». По убеждению А. Розенберга, поэзия Языкова – это составная часть поэзии дерптского студенчества вообще. Она составляет, в сущности, единое целое с немецкой «буршикозной» поэзией. Это часть жизни, быта, обычаев, нравов буршей, в мир которых входили и немецкие, и русские студенты. А. Розенберг в своей статье рассматривал творчество Языкова вместе с творчеством немецких студенческих поэтов Й. Хинце, Г. Гринделя, А. Хаазе и др. При этом он приходил к парадоксальному выводу, что, собственно, Языков был первым крупным поэтом дерптского студенчества: ведь Г. Гриндель поступил в университет уже после отъезда Языкова из Дерпта³⁰. Творчество Языкова в этом аспекте в нашей исследовательской литературе опять же ещё никогда не рассматривалось.

А. Розенберг также заметил, что воспевание жизни буршей и почитание идеалов дерптского немецкого студенчества приобретает у Языкова ярко выраженные русские национальные черты³¹. Этот момент был отмечен уже и современниками. Младший однокашник Языкова по университету А.Н. Тараринов позже вспоминал: «Все его стихи, даже самые ничтожные, выучивались наизусть, песни его клались на музыку и с любовью распевались студенческим хором. Вообще без Языкова наша русская, среди немцев, колония, слушая немецкие лекции, читая только немецкие книги, была бы совершенно чужда тогдашнему литературному в России движению, но он получал русские журналы, альманахи,

вообще все новое и замечательное в русской литературе; некоторые из нас, в том числе и я, многим ему обязаны в этом отношении...»³².

Далее А.Н. Татаринов указывает на очень важный момент. «В последнее время на всех наших сходках, в особенности по настоянию Языкова, пелись вместо немецких преимущественно наши народные и цыганские песни. Один москвич, хотя немецкого происхождения и с немецким прозвищем, но с натурою совершенно обрусевшею в слишком разгульной трактирной московской жизни, руководил нашими хорами... И немцам очень нравились наши напевы. Мы иногда катались на лодках вдоль по Эмбаху, и по берегу всегда следовала за нами толпа народа, с жадностью слушая то заунывные, то разгульные наши хоры. На всех пирушках всегда пелись с особенным восторгом и песни Языкова; их клал на музыку тот же немецкий москвич Науман. Некоторые из них были переведены на немецкий язык и доселе [1855] поются в Дерпте не только русскими, но и немецкими буршами. Иногда вновь сочиненная Языковым песня служила поводом к пирушке. Вообще свою поэзию он облагораживал наши часто грубые и однообразные оргии»³³.

Обращает на себя внимание одно любопытнейшее противоречие: Языков вообще-то уже в студенческие годы недолго любил немцев (хотя среди его хороших знакомых были и отдельные немецкие студенты), в письмах к братьям возмущался равнодушием буршей к России, писал, что остзейцев надо «обрусить», – и в то же время поэт любил немецкую литературу, испытал влияние немецкой студенческой поэзии, переводил немецкие песни, ходил на корпорантские *коммерши* – сборища и праздники буршей и т.д. Это противоречие осталось у Языкова до конца жизни. Оно было свойственно и некоторым другим русским дерптским поэтам.

Точно так же очень любопытен и тот факт, что песни Языкова переводились на немецкий язык³⁴ и даже, как будто, вошли в репертуар немецкого дерптского студенчества. Это свидетельствует о том, что Языков не только испытал влияние немецкой студенческой поэзии, но, в свою очередь, и сам внес определенную лепту в её историю, чем-то её обогатил. Это явление хоть и не сверхординальное, но – скажем прямо – не частое.

Правда, в первой трети XIX века известны и другие случаи подобного взаимовлияния в области литературы и музыки. Так, вошедшая в репертуар дерптских студентов песня на слова Аугуста Хаазе «Das ist das Studentenleben, wie es weint und lacht» («Это и есть студенческая жизнь, где плачут и смеются») исполнялась на мотив популярной русской

песни «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» (музыка А.Е. Варламова). Известны студенческие песни, написанные на смешанном русско-немецком жаргоне, где перемежаются слова и фразы на русском и немецком языках и пр.³⁵ Это свидетельствует об интернационализме студенческой песни, как и о том, что в этот период русско-немецкий антагонизм, ярко проявившийся в Прибалтике во второй половине XIX века, ещё не приобрел столь резкого характера.

Н.М. Языков в 1820-е гг., когда создавалась поэтическая школа дерптского русского студенчества, не был одинок. Уже в середине 1820-х годов вокруг Языкова складывается кружок русских студентов, проявлявших живой интерес к литературе³⁶. Из членов старого студенческого кружка конца 1810-х – начала 1820-х годов, о котором шла речь выше, в него входили Н.Д. Киселев, впрочем, вскоре покинувший Дерпт, А.П. Петерсон и А.Д. Хрипков, так что, до известной степени, можно говорить о преемственности в их деятельности. Но, конечно, большинство составляли «новички». Среди них был поэт Андрей Николаевич Тютчев (1805–1831), изучавший вместе с братом Алексеем в университете камералистику. О близких дружеских отношениях Н.М. Языкова и А.Н. Тютчева свидетельствует несколько стихотворных посланий Языкова, ему адресованных. Известно также, что Языков и Тютчев иногда сообща писали стихи – в собраниях сочинений Языкова печатается их коллективное «Поздравление М.Н. Дириной»³⁷. В альбоме М.Н. Дириной, хозяйки нового салона в Дерпте, можно найти стихотворение А.Н. Тютчева «Нам совестно в холодном мире...»³⁸. Оно, быть может, не очень оригинально по содержанию – строится на обычном для романтиков противопоставлении гнетущей действительности и блистательного мира поэзии, – но показывает достаточно хорошее владение автором стихотворной техникой и не стоит ниже среднего уровня поэтических опытов тех дней. Из писем Языкова к родным известно, что в семье Тютчевых царил либеральный дух. Литературные суждения Тютчева, насколько мы можем судить по его записке Языкову, посвященной разбору «Андромахи» П.А. Катенина, отличались тонкостью и говорили о его критическом даре³⁹. Судьба Андрея Тютчева в Дерпте удивительно схожа с судьбой Языкова. Оба они много занимались литературой, много читали, проводили время в литературном салоне А.А. Воейковой, которая порою даже отдавала предпочтение Тютчеву перед Языковым⁴⁰, но в то же время оба безнадежно запустили свои учебные дела, много лет готовились к экзаменам, но так и не приступили к ним, уехав из

Дерпта «бездипломными» студентами. Андрей Тютчев умер в Москве от скоротечной чахотки.

Писал стихи и А.Н. Степанов, студент-филолог, позже автор греческо-русского словаря, некоторое время сосед Языкова по квартире⁴¹. Не чужд литературных интересов был и друг Языкова, адресат его многочисленных поэтических посланий А.Н. Вульф, посредник в общении поэта с А.С. Пушкиным⁴². В кружок входили также студенты В.Ф. Федоров (в будущем крупный ученый-астроном, академик), П.Н. Шепелев, А.Н. Татаринов и др. К кружку был близок и В.И. Даль, писавший в те годы стихи по-немецки и по-русски.

Члены кружка собирались на квартире Языкова, но они были и посетителями тогдашних салонов в Дерпте: дома И.Ф. Мойера – Е.А. Протасовой, где останавливалась часто приезжавшая из Петербурга в Дерпт А.А. Воейкова, дома Марии Николаевны Дириной, вышедшей в 1827 году замуж за профессора русского права Дерптского университета А. Рейца (после чего салон переместился в дом Рейца). Некоторые студенты предпочитали ходить в гости к хлебосольному профессору русского языка и словесности В.М. Перевощикову⁴³.

В мае 1829 года Н.М. Языков навсегда покинул Дерпт. На лошадях он отправился через Псков в Москву. Человек двадцать друзей-студентов провожали его до Верро (Вьру), распевая незадолго до того написанную поэтом и только что переложенную на музыку его «Прощальную песню»⁴⁴. Языков никогда не забывал Дерпт и свою студенческую жизнь, постоянно возвращался в своей поэзии к дерптским воспоминаниям.

Студенческий кружок, сложившийся вокруг Языкова в середине 1820-х, явился основой созданной в 1829 году русской студенческой корпорации «Ruthenia» («Рутения» – латинское название России). Собственно, Языков и стоял у её колыбели, по свидетельству некоторых мемуаристов, был даже избран первым старшиной (senior'ом) корпорации⁴⁵.

«Рутения» в своем внутреннем распорядке, в повседневном быте, обычаях, нравах своих членов следовала за немецкими корпорациями, даже копировала их образ жизни. В ритуал корпорантских сходок (коммершей) и пирушек входило коллективное исполнение песен. В репертуаре каждой корпорации, помимо общестуденческих песен, должны были быть и свои песни, в том числе *Farbenlied* (нем. «Песня цветов»), своего рода гимн корпорации, воспевавший её цвета (у каждой корпорации были свои «фирменные» цвета; они были изображены на ленточках, носившихся под сюртуком или на шапке). Поэтому в корпорациях полагалось иметь своих

поэтов. Дальнейшее развитие поэтической школы дерптского русского студенчества и оказалось, в основном, связанной с корпорацией «Ruthenia», существовавшей – с небольшими перерывами – около тридцати лет: до 1857 года⁴⁶.

В «Рутении» царил культ Языкова. «Память Языкова у нас чтити тем легче, что бурсацкие песни его беспрестанно гремели между русскими»⁴⁷, – вспоминал И. Головин, в будущем небезызвестный литератор и журналист. Вполне естественно, что творчество Языкова оказало огромное влияние на всех других поэтов дерптского русского студенчества. Языков стал их учителем, метром, образцом для подражания. Их стихи исполнены того же воспевания вина, любви, радостей жизни, студенческого удалства, что и поэзия Языкова. Поэтому школу дерптских русских поэтов 1830–1840-х годов с полным основанием можно назвать языковской. Причем, как и у Языкова, типичные темы и мотивы их творчества вначале сочетаются с прославлением вольности, с легким либерализмом, однако позже это вольнолюбивое начало слабеет, теряет глубокий смысл и даже претерпевает метаморфозу в языковском духе – превращается в воспевание Российской империи.

Дерптские стихотворцы 1830–1840-х годов даже чаще, чем Языков, обращались к переводам и переложениям немецких студенческих песен с их излюбленной «триадой» – *Wein, Weib und Gesang* («Вино, женщина и песня»). Значительную часть их творческого наследия как раз и составляют эти переложения.

Специально изучавший историю студенческой песни в России музыковед М. Друскин отмечает, что она распространялась по России именно из Дерпта. Он же обращает внимание на парадоксальное сочетание в тогдашней русской студенческой песне аристократического и демократического начал: с одной стороны, это застольные песни дворянской богемы, зачастую пришедшие из-за рубежа, но, с другой, в них нередко обращение к национальным песенным традициям, восходящим к фольклору, к мироощущению демократических низов общества. Социальная дифференциация студенческой песни произошла позднее – главным образом уже в шестидесятые годы⁴⁸. Это сочетание двух в принципе противоположных начал характерно и для поэзии дерптских русских авторов.

Отметим еще, что в 1830 году была предпринята попытка выпуска в свет рукописного сатирического журнала «Дерптский кретьень» (слово *кретьень*, т.е. кретин, не имело в ту пору столь оскорбительного и уничижительного значения, как ныне,

оно носило более шуточный характер). Собравшись 5 октября 1830 года в доме А. Рейца студенты написали объявление об издании журнала: «Ревностные приверженцы высокопочитаемого кретинизма, желая оставить память о пребывании своем в Дерпте, решились издавать журнал под заглавием «Дерптский кретьень». Журнал сей будет выходить по 2 раза в месяц, начиная с 18-го октября. В нем будут помещаться стихотворения, повести, переводы, критические статьи, впрочем без личностей и некоторые диссертации об ученом предмете с тем, чтобы они были коротки и ясны»⁴⁹. К сожалению, ни одного номера журнала пока обнаружить не удалось. Не совсем ясно, выходил ли он в свет или нет.

Однако обратимся непосредственно к творчеству дерптских поэтов.

Одним из первых продолжателей языковской линии в поэзии дерптского студенчества был граф Владимир Александрович Соллогуб, в 1829–1833 годах обучавшийся в Дерптском университете дипломатическим наукам. Очень любопытно позднейшее признание В.А. Соллогуба в его воспоминаниях: «Благодаря моему классическому воспитанию, я знал латинский язык порядочно, французский до последней тонкости и весьма плохо русский. Русскому языку я выучился в Дерпте»⁵⁰. Именно в Дерпте Соллогуб начал пробовать свои силы в сочинительстве.

Свою литературную деятельность Соллогуб начал со стихов. При этом образцом для него на первых порах стал кумир дерптского студенчества Н.М. Языков. Почти все ранние стихи Соллогуба представляют собой образцы так называемой *бурсацкой лирики* в языковском духе. В них воспеваются вино, дружеские пирушки, «подвиги» студентов-буршей, их любовь. Стихи молодого Соллогуба из-за их фривольного характера, как и студенческие песни Языкова, в печать не попадали. Они распространялись в рукописном виде. Особенно много их сохранилось в альбомах известной дерптской красавицы М.Н. Дириной-Рейц, дом которой, как мы уже говорили, был своеобразным литературным салоном для дерптских студенческих поэтов, он оставался таковым и в 1830-е годы.

Из довольно обширной ранней студенческой лирики Соллогуба общую известность получило лишь одно стихотворение – это знаменитая «Серенада» («Закинув плащ, с гитарой под рукою...»; в альбоме М.Н. Дириной помечено августом 1833). Позже, в 1841-м, она даже попала в печать⁵¹. «Серенада» посвящена ещё одной дерптской красавице, предмету поклонения студентов – Эмилиии Крюденер (впрочем, в печатном тексте она имела уже дру-

Граф Владимир Александрович Соллогуб
в 1830-х годах

гое посвящение – литературному учителю автора Н.М. Языкову). Это стихотворение вскоре же было положено на музыку и стало популярнейшей студенческой песней, распевавшейся вплоть до 1917 года, да не забытой и сейчас:

*Закинув плащ, с гитарой под рукою,
К её окну пойдем в тиши ночной,
И тем прервем мы песню молодую
Роскошный сон красавицы молодой.
Но не страшись, пленительная дева,
Не возмутим твоих мы светлых снов
Неистовством бурсацкого напева
Иль новостью студенческих грехов.
Нет, мы поем и тихо, и смиренно,
Лишь для того, чтоб слышала нас ты,*

*И наша песнь – как фимиам священный
Пред алтарем богини красоты.*

.....
*Мы здесь поём во тьме весенней ночи;
Ты ж, пробудясь от шума голосов,
Сомкнешь опять мечтательные очи,
Не расслыхав воззвания бурсаков»⁵².*

Это цитата из авторского текста стихотворения, песенный вариант несколько отличается от него, что как раз является свидетельством широкого распространения и популярности песни. В качестве

Александр Николаевич Карамзин

музыки, как это часто тогда бывало, использована уже готовая мелодия французской песенки «Военные воспоминания» композитора Ж.Д. Доша⁵³. Но, по-видимому, не прямо, а посредством немецких переделок. «Серенада» позже вошла и в песенный репертуар эстонцев.

Известны даже поэтические отклики современников на «Серенаду» В.А. Соллогуба. Видный русский поэт того времени П.А. Вяземский, как раз в 1833 году посетивший Дерпт и там познакомившийся с автором песни, написал стихотворение «К графу В.А. Соллогубу (В Дерпт)», начинающееся словами «Что делает, мой граф, красавица Эмилья?»⁵⁴. Соллогуб, в свою очередь, ответил в стихах Вяземскому⁵⁵.

Позже, уже после окончания университета, В.А. Соллогуб стал известным прозаиком, которого В.Г. Белинский в 1842 году даже назвал «первым писателем в современной русской литературе»⁵⁶ и чей талант он ставил очень высоко. Между прочим, литературная известность Соллогуба началась с повести «Два студента» (1837), главными героями которой были два студента Дерптского университета и действие которой происходило в Эстонии.

В 1832–1833 годы в Дерпте проживало семейство знаменитого историка и писателя Н.М. Карамзина: его вдова Екатерина Андреевна Карамзина с сыновьями Александром, Андреем и Николаем. Александр и Андрей были студентами юридического факультета Дерптского университета по разряду дипломатических наук; младший же брат Николай

занимался частным образом (возможно, в здешней гимназии). Он умер в Дерпте в 1833 году и похоронен на Успенском православном кладбище (ныне часть кладбища Раади; могила сохранилась). Как известно, салон Е.А. Карамзиной в Петербурге в течение двадцати пяти лет был, по воспоминаниям современников, «одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света»⁵⁷. Его часто посещал А.С. Пушкин, а также В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский и многие другие русские писатели. В Дерпте дом Карамзиных стал на некоторое время излюбленным местом встреч местной русской интеллигенции и русских студентов, в том числе «рутенистов»⁵⁸. Именно к Карамзиным приезжал в сентябре 1833 года в гости П.А. Вяземский. В августе того же года А.С. Пушкин, получив разрешение на поездку в юго-восточную Россию, хотел «по пути» заехать в Дерпт, к Карамзиным, правда, из этого ничего не вышло.

Александр Николаевич Карамзин (1815–1888) имел прямое отношение к литературе⁵⁹. Ещё ребенком он сочинил сказку, даже опубликованную В.А. Жуковским. На формирование его личности оказала влияние вся атмосфера салона Карамзиных, раннее знакомство с крупнейшими литераторами, в том числе с А.С. Пушкиным, с которым Александр Николаевич и позже поддерживал отношения (письма Александра к брату Андрею 1836–1837 годов являются ценнейшим источником сведений о Пушкине и истории его гибели). В Дерпте Александр Карамзин вступил в «Рутению», более того – стал певцом первой русской корпорации. Некоторые из его стихов, переложённые на музыку, исполнялись на сходках корпорации и позже получили распространение за пределами Дерпта, вошли в студенческие песенники. Среди них, в первую очередь, надо назвать «Отечественную песню», исполнявшуюся на мотив широко известной немецкой студенческой песни «Landesvater» и связанную с одноимённым корпорантским обрядом, одним из главных в сложном «церемониале» корпорантской жизни. *Landesvater* – это своеобразная клятва братства, клятва верности корпоративным устоям, когда бурши становятся в круг, старейшины вынимают рапиры и под звуки песни студенческие шапки буршей протыкаются и как бы насаживаются на рапиры. В основе «Отечественной песни» Александра Карамзина лежит немецкий текст («Alles schweige, Jeder peige...» Э.М. Арндта⁶⁰), но это не перевод, а вольное, сильно изменённое переложение, пронизанное

идеей русского патриотизма, можно сказать, русским национальным духом, пришедшим на смену немецкому в оригинале.

После университета Александр Карамзин некоторое время служил офицером в лейб-гвардии. В 1839-м он выпустил повесть в стихах «Борис Ульянов», оставшуюся единственным крупным его произведением, попавшим в печать. Свою повесть А. Карамзин посвятил «далеким братьям – друзьям-однокашникам из дерптских студентов (не случайно к повести взят эпитаф из Н.М. Языкова – «Где ж вы, мои разгульные друзья?»):

*Вам посвящая свой рассказ,
Академические братья!
Мне Ваши памятни объятья:
Средь Вас запел я в первый раз,
Средь Вас счастливейшие годы
Провел я юности своей;
Дитя досуга и свободы,
Я пел вино в кругу друзей.
Вы одобрительно внимали
Напевам музы молодой
И их за чашею ночной
Вы дружно хором повторяли.
.....
Примите ж Вы издалека
Мой труд нескладный и смиренный,
И голос дружбы неизменной
Лихого Дерпта бурсака⁶¹.*

Посвящение помечено «М. Пелла. 1-го марта 1839 года».

Правда, сам сюжет повести и его герои не имеют никакого отношения к Дерпту. Это история несчастной любви бедного армейского офицера Бориса Ульяна к княжне Ольге Дольской, светской столичной барышне.

В 1838 году Александр Карамзин сблизился с М.Ю. Лермонтовым, для которого, впрочем, был не столько поэтом, сколько светским собеседником и остроловом. Александр Карамзин, по словам одного исследователя, – это «человек лермонтовского поколения и склада, один из тех, кто дал Лермонтову материал для создания образа Печорина и для горьких, трагических размышлений в “Думе”»⁶². По справедливому замечанию А.С. Немзера, Александр Карамзин – это нередкий для своего времени тип одаренного, но несостоявшегося дилетанта-аристократа, на которого возлагались большие надежды, так и не сбывшиеся⁶³. Интересно, что он и сам это осознавал.

Достойна внимания ещё одна деталь, отмечаемая многими современниками: и В.А. Соллогуб,

и А.Н. Карамзин до конца жизни как бы оставались дерптскими буршами, черты которых странным образом сочетались в них с чертами человека высшего света, аристократа⁶⁴.

Наследником языковской школы ощущал себя и ещё один певец «Рутении» Петр Федорович Алексеев (1814–1870), уроженец Петербурга, в 1834–1838 годах изучавший в Дерптском университете сначала камералистику, а позже медицину, но курса не кончивший. Об этом свидетельствует его сонет «К Н.М. Языкову», где П.Ф. Алексеев восклицал:

*Горды твоей разгульной лиры чада!
Их не дерзнет воспеть певец другой...⁶⁵*

В 1840 году П.Ф. Алексеев выпустил в Дерпте сборник «Лирические стихотворения и сказки». Стихи, в нем помещенные, носят откровенно эпигонский характер и поэтому особой художественной ценности не представляют. Но в них обращает на себя внимание обилие поэтических посланий друзьям студенческих лет – Николаю Козлову (в будущем профессору-медику), Михаилу Варламу (греку по национальности, любопытной личности, дружившей с русскими студентами), Григорию Глебову, дерптской красавице Ш.К. фон дер Борг. В этих поэтических посланиях П.Ф. Алексеев во многом следует за Н.М. Языковым, как мы помним, тоже очень любившим этот распространенный в поэзии тех лет жанр.

Типично бурсацкие мотивы с воспеванием студенческого разгула и застолья, лишённые теперь какого-либо оппозиционного вольнолюбивого подтекста и, наоборот, исполненные вернопопданнических чувств, можно найти в повести в стихах П.Ф. Алексеева «Мель-дона», вышедшей в свет в 1841 году. Это романтическая по своему характеру повесть о несчастной любви лирического героя. Действие её происходит в Дерпте, но дерптские реалии встречаются лишь в немногих разделах (VII–X). В них дано описание уже знакомого нам традиционного студенческого коммерша 21 апреля, посвященного дню открытия университета⁶⁶.

П.Ф. Алексеев после университета работал учителем в Варшаве, затем в Архангельске и Шауляе, умер же он в Холмогорах.

Известно, что песни сочинял и студент В. Михалков. Некоторые из них («Пойдем, я вас прошу...», «Друзья за стол») позже вошли в студенческие песенники⁶⁷.

Обязательно надо отметить, что отнюдь не все дерптские поэты 1820–1840-х годов могут быть отнесены к языковской школе. Среди них были и такие, которые стояли в стороне от нее. В их творче-

стве отсутствуют типичные для языковской школы темы и мотивы, характерные для нее образность и стиль. Таково было творчество воспитанника Профессорского института при Дерптском университете⁶⁸ Павла Петровича Шкляревского (1806–1830), совсем молодым скончавшегося в Дерпте. Вообще среди воспитанников Профессорского института было много любителей литературы и несколько «сочинителей». Они постоянно общались с русскими студентами университета, с членами корпорации «Рутения» (хотя в нее не входили), посещали уже знакомые нам литературные салоны Мойера–Протасовой, Дириной–Рейц, Карамзиных. Профессорские воспитанники как раз вносили в дерптский культурный очаг нечто более серьезное, чем это было характерно для корпорантов-«рутенитов».

Уроженец Украины П.П. Шкляревский ещё в гимназии стал писать стихи, которые тогда же начали появляться в печати. В 1828 году он имеет с другими воспитанниками Профессорского института обосновался в Дерпте, серьезно занимался наукой, но уже в 1829-м заболел и летом 1830-го умер от скоротечной чахотки – бича тогдашней молодежи.

Современники сохранили для нас в своих воспоминаниях на редкость симпатичный благородный образ молодого поэта, которого отличала «необыкновенная доброта души, пламенный патриотизм и желание быть полезным своему отечеству»⁶⁹. Даже весьма желчный Н.И. Пирогов отзывался о нем как о превосходном человеке, поэте с прекрасною, высокою душой⁷⁰. П.П. Шкляревский и в Дерпте, несмотря на загруженность учебными и научными занятиями, продолжал писать стихи и заниматься переводами. В частности, именно в Дерпте написано одно из лучших его стихотворений – «Песнь любви. На новый 1830 год». Уже после смерти поэта его друг М.С. Куторга издал в Петербурге оставшийся единственным сборник «Стихотворений Павла Шкляревского», который включал 31 произведение; среди них, правда, преобладали переводы. Оригинальные же стихи Шкляревского исполнены философской символики, несколько абстрактной образности. В них силен мистический элемент. Они нередко проникнуты идеей двоимирия, возможно, идущей от В.А. Жуковского и немецкой поэзии, – мыслью о потустороннем мире, который и есть наша подлинная отчизна – отчизна, куда мы должны возвратиться после смерти. Там всё счастье, там покой и блаженство, поэтому не следует бояться смерти, смерть есть освобождение от земных уз. Во всем этом все же следует видеть не только дань романтической традиции, но и отражение реальной биографии, реальных переживаний большого поэта,

предчувствовавшего свою скорую кончину. В посмертный сборник вошло далеко не все, написанное Шкляревским в Дерпте. Его стихи и ныне перепечатываются⁷¹.

Поэзия П.П. Шкляревского – это часть наследия дерптского русского культурного центра XIX в., но она не относится к феномену, который обозначен нами как особая поэтическая школа дерптского русского студенчества. Творчество П.П. Шкляревского связано с другой линией в истории русской литературы.

Последним же значительным представителем школы дерптского русского студенчества и последним певцом корпорации «Рутения» был Николай Дмитриевич Иванов (1817–1871). Уроженец Москвы, он рано потерял родителей, воспитывался у дяди – известного ученого агронома Е.С. Карновича, учился в Демидовском юридическом лицее в Ярославле и в Московском университете, но затем перешел в Дерптский университет, где в 1844–1850 годах изучал дипломатические науки, как мы видели, вообще популярные у русских студентов. Позже, в 1855, Н.Д. Иванов сдал экзамен на учителя русского языка и в том же году стал преподавателем русского языка в Дерптской учительской семинарии и одновременно доцентом этого же предмета в Дерптской высшей ветеринарной школе. Вся дальнейшая жизнь Н.Д. Иванова оказалась связанной с Эстонией и с педагогической работой. С 1861 года он был старшим учителем русского языка в Перновской гимназии, а с 1867 года почти до самой кончины – в Дерптской. Неопубликованным остался сборник его стихотворений, над которым Н.Д. Иванов работал перед смертью⁷².

У Н.Д. Иванова хранился очень полный рукописный песенник, включавший почти весь песенный репертуар дерптских русских студентов. Он намеревался его опубликовать, но «дальше благих пожеланий это дело не пошло»⁷³. Лишь через двадцать лет после смерти Н.Д. Иванова другой выпускник Дерптского университета, врач по специальности Винцент Борткевич (студент-медик в 1866–1874 годах) выпустил в Риге в свет «сборник любимейших студенческих песен, переводных и оригинальных» «Арфа подле кружки», в который включены и произведения Н.Д. Иванова, как и других поэтов дерптского русского студенчества. Собственно, поэзию Н.Д. Иванова мы и знаем только по публикациям в этом сборнике, давно уже ставшем библиографической редкостью.

Н.Д. Иванов как бы завершает языковскую линию в студенческой поэзии. Он был автором *Farbenlied* корпорации «Ruthenia», своего рода за-

поздального гимна этого объединения, в период студенчества Иванова уже доживавшего свой век (впрочем, возможно, что были и более ранние тексты *Farbenlied*¹, принадлежавшие другим авторам). Известность Н.Д. Иванову принесли его переводы или, вернее, вольные переложения немецких студенческих песен («Братья, сядемте кругом...», «Куда, бедняжке, деться мне...» и др.). Из них наиболее широкую популярность получили песни «На свете папе славно жить...» (немецкий оригинал принадлежал Г.Э. Лессингу) и в особенности «Вот из трактира иду я себе...» (Ф. Мюллер). Последняя песня и до сих пор не забыта.

Оригинальные же стихи Н.Д. Иванова – это все та же «бурсацкая» поэзия с лирическим описанием – можно сказать, и с воспеванием – дерптской студенческой жизни, её корпорантской «экзотики» с попойками и дебошами. Правда, ко времени их создания все это уже было откровенным анахрониз-

мом. В творчестве Н.Д. Иванова поэтическая школа дерптских русских студентов как бы завершала свой путь. Наступали новые времена, с новыми песнями...

Наша статья – лишь первый опыт реконструкции истории этой поэтической школы. Творчество русских дерптских студенческих поэтов, без сомнения, ещё станет предметом углубленного изучения. Вполне возможно, что будут выявлены новые тексты, связанные с этой школой, и наше представление о ней станет более полным, более «объемным». В будущем, вероятно, детально будет исследована связь творчества дерптских поэтов, в том числе и Н.М. Языкова, с немецкой литературой, с немецкими студенческими песнями. Здесь есть ещё над чем поработать нашим литературоведам...

2003

Публикация М.Э. Коор

¹ Можно отметить лишь не претендующий на научный анализ краткий обзор истории дерптского русского культурного очага в учебном пособии: *Исаков С.* Русские писатели и Эстония. Изд. 2-е, испр. и доп. Таллин, 1985. С. 59–76. См. также: *Киселева Л.Н.* Провинция в диаспоре: случай Тарту // *Русская провинция: миф – текст – реальность.* М.; СПб., 2000. С. 129–137. Давно назрела необходимость в создании солидной научной монографии, посвященной дерптскому русскому культурному центру в XIX веке.

² Характерно, например, что даже в специально посвященной провинциальным культурным и литературным гнездам в России книге Н.К. Пиксанова (кстати, выпускника Юрьевского-Тартуского университета) «Областные культурные гнезда» (М.; Л., 1928) идет речь о казанском, ярославском, поморском, полтавском, одесском, воронежском и ряде других провинциальных культурных очагах, но нет раздела, посвященного дерптскому.

³ О немецкой студенческой песне см.: *Schulze Fr., Szymank P.* Das deutsche Studententum von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Leipzig, 1910. История немецкой студенческой поэзии посвящена обширная литература; вряд ли есть смысл здесь её приводить.

⁴ См. о них: *Dorpatener Sängerbunde 1812–1816. Lieder aus der Jugendzeit der alma mater Dorpatensis / Hrsg. u. eingeleitet Fr. Bienemann-Freiburg.* Reval, 1896.

⁵ О немецкой прибалтийской студенческой песне см.: *Falck, Paul Th.* Das deutsche Volks- und Studentenlied im Baltischen Lande // *Baltische Monatschrift.* В. LXXVI. 1913. S. 328–336.

⁶ См. биографические справки о Й. Хинце и Г. Гринделе в антологии: *Das Baltische Dichterbuch. Eine Auswahl deutscher Dichtungen aus den Baltischen Provinzen Russlands / Hrsg. J. E. v. Grotthub.* Reval, 1895. S. 418, 420–422.

⁷ См.: *Поэты 1790–1810-х годов.* Л., 1971. С. 287–291. [Большая серия «Библиотека поэта»].

⁸ Они сохранились в бумагах А.П. Петерсона и были много лет спустя, уже после смерти Петерсона, опубликованы, см.: *Русский архив.* 1892. № 2. С. 259–261.

⁹ См.: *Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина.* Ч. IX. М., 1901. С. 350–354.

¹⁰ Там же. С. 353.

¹¹ Там же. С. 352.

¹² Они перечислены в нашей публикации: *Исаков С.Г.* Новые материалы о жизни и творчестве Н.М. Языкова дерптского периода // *Ученые записки Тартуского гос. ун-та.* Вып. 139. 1963. С. 393. Здесь же (С. 392–394) и другие сведения о И.Г. Вилламове.

¹³ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки в Москве. Ф. 129. Карт. 21. Ед. хр. 2.

¹⁴ *Языков Н.М.* Полное собрание стихотворений. [М.; Л.] Academia, 1934. С. 337–339.

¹⁵ *Исаков С.Г.* Новые материалы о жизни и творчестве Н.М. Языкова... С. 394.

¹⁶ Воспоминания А.Н. Татаринова о Н.М. Языкове // *Языковский архив.* Вып. I. Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913. С. 395.

¹⁷ *Языковский архив.* С. 387.

¹⁸ *Русский архив.* 1892. № 2. С. 261.

¹⁹ *Русский государственный архив литературы и искусства в Москве (РГАЛИ).* Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1602. Л. 13

²⁰ Тот факт, что Н.М. Языков стал подлинным создателем русской студенческой поэзии, в принципе признается большинством исследователей, но этот факт обычно декларируется в самом общем виде, в нескольких фразах или абзацах (см.: *Семенко И.М.* Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 192, 196; *Рассадин Ст.* Спутники. М., 1983. С. 69; *Сахаров, Всеволод.* Страницы русского романтизма. Книга статей. М., 1988. С. 94). Что же это за историко-литературный феномен, каковы его истоки, корни, остается неизвестным. К тому же ни один исследователь не связывает творчество Языкова с поэтической школой дерптского русского студенчества.

²¹ *Языковский архив.* С. 99.

²² *Рассадин Ст.* Цит. соч. С. 70.

²³ О судьбе этой песни см.: *Бобров Евгений.* Мелочи из истории русской литературы. IX. Об одной студенческой песне Н.М. Языкова // *Русский филологический вестник.* 1907. № 1. С. 181–183.

- ²⁴ См. наиболее полное издание её образцов: *Dorpatcr Burschenliederbuch* / Hrsg. Nicolas Th. Seeler. Dorpat, 1882.
- ²⁵ См.: Языковский архив. С. 25, 30.
- ²⁶ Там же. С. 395.
- ²⁷ *Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders (1810–1840)* // *Baltische Monatsschrift*. В. XXXIX. 1892. С. 224.
- ²⁸ *Арнольд Юрий*. Воспоминания. Вып. I. М., 1892. Ст. утверждение А.А. Чумикова, автора мемуаров «Студенческие корпорации в Петербургском университете, 1830–1840», о том, что большинство «бурсацких» песен, переведенных с немецкого, принадлежало Н.М. Языкову (Русская старина. 1881. № 2. С. 369).
- ²⁹ *Koenig H. Literarische Bilder aus Rubland*. Stuttgart u. Tübingen, 1837. S. 164. Ср. с. 166.
- ³⁰ *Rosenberg Alex. Ein russischer Sanger des alten Dorpat*. N.M. Jazykow // *Baltische Monatsschrift*. В. LX. 1905. С. 305–327. Ср.: *Бобров Евгений*. К биографии Н.М. Языкова // Сборник Учено-литературного об-ва при имп. Юрьевском ун-те. Т. XI. Юрьев, 1907. С. 18–58.
- ³¹ *Rosenberg A.* Op. cit. С. 310.
- ³² Языковский архив. С. 394–395.
- ³³ Там же. С. 397–398.
- ³⁴ Среди тех, кто переводил стихотворения Языкова на немецкий язык, были крупнейший прибалтийско-немецкий переводчик русской поэзии тех лет К.Ф. фон дер Борг (см. его рецензию на сборник стихотворений Н.М. Языкова – *Dorpatcr Jahrbucher fur Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands*. 1833. В. I. Н. 6. С. 509–514), библиотекарь и мемуарист Э. Андерс и др.
- ³⁵ *Falch P.Th.* Op. cit. С. 334, 336.
- ³⁶ Об этом кружке упоминал Ф.В. Булгарин в своей «Прогулке по Ливонии» 1827 г. (см.: *Булгарин Фаддей*. Сочинения. Ч. 3. СПб., 1836. С. 407).
- ³⁷ *Языков Н.М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964 [Большая серия «Библиотеки поэта»]. С. 416–417.
- ³⁸ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ) в С.-Петербурге. Ф. 252. № 1. Л. 31.
- ³⁹ См.: Языковский архив. С. 485–486.
- ⁴⁰ Там же. С. 165–167.
- ⁴¹ Там же. С. 357. Впрочем, Н.М. Языков подчеркивал в письмах, что А.Н. Степанов по своей натуре не поэт.
- ⁴² О нём: *Исаков С. А.Н. Вульф* – дерптский студент и приятель А.С. Пушкина (по новым материалам) // *Радуга*. 1999. № 2. С. 64–80.
- ⁴³ *Арнольд Ю.* Цит. соч. С. 149.
- ⁴⁴ О переложении на музыку «Прощальной песни» Н.М. Языкова см. в письме А.Н. Татаринова к родителям из Дерпта от 18 мая 1829 г. (РГАДА. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 10 – 10 об., должно бы быть 7 – 7 об.).
- ⁴⁵ *Арнольд Ю.* Цит. соч. С. 143–144.
- ⁴⁶ Об истории «Рутении» см.: *Бобров Е.А., проф.* Рутения. Очерк из истории русской студенческой корпорации в Юрьеве // Юрьевский листок. 1912. 3 сент. № 139. С. 1–2; 4 сент. № 140. С. 1; 5 сент. № 141. С. 1; 6 сент. № 142. С. 1–2; 11 сент. № 145. С. 1–2. См. также: Языковский архив. С. 404–405.
- ⁴⁷ *Головин Иван*. Записки. Лейпциг. 1859. С. 41. См. также описание студенческой сходки в 1850-е годы: *Боборыкин П.Д.* В путь-дорогу!.. Роман. Т. III. СПб., 1864. С. 123–124.
- ⁴⁸ См.: *Друскин М.* Студенческая песня в России 1840–60-х годов // Друскин М. История и современность. Статьи о музыке. Л., 1960. С. 166–170.
- ⁴⁹ *Лыгун Елена*. Забытые страницы романтической дружбы // Таллин. 1987. № 1. С. 115.
- ⁵⁰ *Соллогуб В.А.* Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1931. С. 642.
- ⁵¹ Москвитянин. 1841. Ч. VI. № 11. С. 5–6.
- ⁵² Песни русских поэтов. Т. 1. Л., 1988 [Большая серия «Библиотеки поэта»]. С. 532–533.
- ⁵³ *Друскин М.* Цит. соч. С. 168.
- ⁵⁴ *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1986 [Большая серия «Библиотеки поэта»]. С. 249–250.
- ⁵⁵ РО РНБ. Ф. 252. № 1. Л. 36 – 36 об.
- ⁵⁶ *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т. VI. М., 1955. С. 536.
- ⁵⁷ *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 162. Здесь же на стр. 162–170 и другие материалы о столичном салоне Е.А. Карамзиной.
- ⁵⁸ См. характеристику дома Карамзиных: *Соллогуб В.А.* Воспоминания. С. 510.
- ⁵⁹ О нём см.: *Немзер А.С.* Карамзин // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 469–470.
- ⁶⁰ *Dorpatcr Burschenliederbuch*. С. 3–5.
- ⁶¹ *Карамзин Александр*. Борис Ульянов. Повесть в стихах. СПб., 1839. С. V–VIII.
- ⁶² См. вступ. ст. Н.В. Измайлова к кн.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837. М.; Л., 1960. С. 3.
- ⁶³ *Немзер А.С.* Цит. соч. С. 470.
- ⁶⁴ *Арнольд Ю.* Цит. соч. С. 146; *Немзер А.С.* Цит. соч. С. 470.
- ⁶⁵ *Алексеев П.Ф.* Лирические стихотворения и сказки. Дерпт, 1840. С. 41.
- ⁶⁶ *Алексеев П.* Мель-дона. Повесть в стихах. Варшава. 1841. С. 11–14.
- ⁶⁷ Арфа подле кружки. Сборник любимейших студенческих песен, переводных и оригинальных / сост. В.А. Борткевич. Рига, 1891. С. 97–100.
- ⁶⁸ Это уникальное учебное заведение было создано в 1828 году и призвано было готовить из лучших выпускников университетов Российской империи профессоров для высших учебных заведений страны.
- ⁶⁹ *Шкляревский Павел*. Стихотворения. СПб., 1832. С. XIII (вступительная статья М.С. Куторги). См. также: *Бобров Евгений*. Жизнь и поэзия Павла Петровича Шкляревского // Сборник Учено-литературного об-ва при имп. Юрьевском ун-те. Т. XIV. Юрьев, 1909. С. 18–58.
- ⁷⁰ *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача // Собр. соч. : в 8 т. М., 1962. Т. VIII. С. 271.
- ⁷¹ См.: Поэты 1820–1830-х годов. Т. 1. Л., 1972 [Большая серия «Библиотека поэта»]. С. 477–486.
- ⁷² *Neue Dorptsche Zeitung*. 1871. 10. August. № 182. S. 1 [Некролог]. См. также: *Tartu Opetajate Seminar 1828–1829*. Tartu, 1929. Lk. 40.
- ⁷³ Арфа подле кружки. С. IV.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Сергей Геннадиевич Исаков был нашим верным, неизменным и незаменимым со-участником по журналу «Вышгород». С самого начала. В 1994 году в первом же номере он открыл нашу постоянную, и по сей день, рубрику – «Исчезнувшие имена». Открыл своим великолепным очерком «На вершине триумфа... Чёртов мост» – о трагически ушедшей и забытой певице Зинаиде Юрьевской. Он приложил колоссальные усилия, восстанавливая Память. Под его пером оживали сотни давно утонувших во времени или специально-официально вычеркнутых имен.

Сергей Геннадиевич, скрупулезно изымая достоверные данные из старых изданий различных библиотечных фондов, архивов (не исключая «собрания сочинений» КГБ), устных и письменных воспоминаний, по крупицам воссоздавал истинную картину катастроф XX века. Труд тяжкий и долгий. Но благодарный. Ему доверяли. Его знали и узнавали.

Однажды, лет 20 назад, когда – после чтения лекций по русской литературе в Хельсинкском университете – профессор Исаков возвращался в Таллинн, к нему на палубе подошел незнакомый эстонец и сказал, что хочет отдать в его надежные руки случайно сохранившийся рукописный сборничек со стихами ленинградского поэта-зэка, своего ссыльного собрата. И через несколько дней Сергей Геннадиевич получил в Тарту серую тетрадку – «Жизнь и душа». Мы напечатали этот поэтический цикл

под рубрикой «Из пепла эпохи» («Вышгород» № 3, 1995).

Да, буквально из-под пепла, он спасал обгоревшее прошлое. Многогранно высвечивал правдивые жизненные коллизии в своих монографиях, исследовательских томах, газетных и журнальных публикациях о русских общественных деятелях, людях искусства и культуры – как в Эстонии, так и в зарубежье. Благодаря ему, профессору «лотмановской» кафедры, которую он в 1980-е годы и возглавлял, доктору филологии, собирателю и коллекционеру утраченной было прозы и поэзии к нам вернулось бесценное наследие. Б. Никифоров-Волгин, семья Базилевских, А. Макаровский, Н. Рудникова, отец и сыновья Гуцки, супруги Пумпянские, Б. Вильде, К. Гершельман... Он сумел воссоединить эмигрантскую и местную русскую литературу. Перед глазами его последняя книга – «Культура русской эмиграции в Эстонии. 1918–1940». У нас в рецензии («Вышгород» № 1–2, 2012) есть такие строки:

«Профессор Сергей Исаков, воспевший русскую эмиграцию, затратил на этот огромный труд в течение нескольких десятилетий, хотя основные изыскания пришлось на постсоветский период. Открытие новых страниц <...> – заслуга неоценимая и в наше время приобретающая все более глубокий смысл».

Следует продолжение жизни – как реальный творческий акт...

*Людмила Глушковская,
главный редактор журнала «Вышгород»
Таллинн*